

Девочка с крыльями

16+

Григорий Печорин

Григорий Печорин
Девочка с крыльями

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Печорин Г.

Девочка с крыльями / Г. Печорин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Действие повести происходит в наше время в самом обычном провинциальном городе. Агата - девочка с разноцветными глазами. Она слышит шепот ветра и говорит с деревьями, понимает птиц и лечит касанием руки. Окружающие не принимают ее и боятся. Что делать ей с родовым даром? А может, это проклятье?

Содержание

Пролог	6
1. Дочь. Сейчас	7
2. Мать. Тринадцать лет назад	9
3. Дочь. Сейчас	11
4. Мать. Тринадцать лет назад	12
5. Отец. Сейчас	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Григорий Печорин

Девочка с крыльями

Той, чья улыбка дороже целого мира

Пролог

Судьба человеческая, как книга. Кому-то достаётся короткий рассказ, иным многотомный роман. У большинства же – обычная повесть; прочёл, бросил на полку и забыл.

Повесть моей судьбы дочитана до конца и становится немного жаль. Ведай я всё заранее, сложилась бы жизнь иначе.

Многое хочется сказать тебе, да только не успею, не смогу. Попытаюсь лучше вспомнить главное. Может статься, тогда я и подберу нужные слова, хотя бы внутри себя, но, в любом случае, они для тебя одной. Так будет легче уходить.

Те, кто уверяют, что не боятся смерти, врут. Они ведь ни разу не пробовали. Умирать страшно, поверь, я знаю. Давно и многие рассказывают о том, какво Там, но сказки их не стоят и гроша. Именно поэтому и ценны наши дела Здесь.

Ты загадка для меня, как и мама твоя, и всегда ею будешь. Прошу тебя, береги свою жизнь, не позволяй ей протечь водой сквозь пальцы. И оставайся достойна дара, которым наделена.

1. Дочь. Сейчас

На окраине старого города прилепился к набережной огромный многоэтажный дом. Десятками светящихся по вечерам окон смотрит он на оледенелое озеро, вокруг которого чернеет бескрайний лес.

Что если взлететь подобно снежному облаку повыше, к девятому этажу того дома и заглянуть в одну из его бесчисленных, безликих квартир? Какие люди там живут? Какие судьбы ждут их?

«Ваша девочка... Она, как бы сказать, необычная, странная. Вы и сами знаете, в классе с ней почти никто не дружит и не общается. Сегодня, к примеру, она сломала телефон одноклассника. Причём специально! Да ещё и накричала на него. Понимаю, вам одному сложно её воспитывать, но всему есть предел. Взять хотя бы, что ваша дочь утверждает, будто умеет летать. Нет, ну смешно ведь, правда?! Летать! Не на самолетах, а как птицы, махая крыльшками! Мой вам совет, сводите её к психологу. Поверьте, если не сделать этого сейчас, подростка ждут куда большие трудности. И вас, кстати, тоже...».

Вечер. Конец февраля. Зиме пора уходить, но она никак не соберется и кружит, веет снежной дымкой, дует по улицам колючим холодом.

В квартире тихо, только слегка гудят окна, сопротивляясь последним вьюгам. В квартире тихо и почти темно, оставлена лишь лампа на кухне, да в детской комнате мягко светит старый абажур. В квартире тихо, почти темно и медленно плывёт по комнатам и коридору аромат свежего ромашкового чая, а с ним приходит ощущение спелого, тёплого месяца июля. Пусть зима сражается себе там, снаружи; здесь, внутри, правит лето с ароматом чая из ромашек.

Отец замер на мгновение перед детской, вспоминая слова учительницы, сказанные ему несколько часов назад. Затем мягко отворил дверь и вошёл.

Тут который год всё по-прежнему. Стол, кресло, кровать, трюмо с большим зеркалом, прозрачно-призрачные шторы, слегка колеблемые ветром через приоткрытое окно. И идеальная чистота.

Дочь сидела на кресле под тем самым абажуром, подогнув ноги и укутавшись мохнатым пледом. Лицо сосредоточено, брови нахмурены. Делает вид, что читает книгу. Дети такие смешные, когда пытаются придать себе выражение серьезности, подражая взрослым. Вот и дочь, несмотря на внешнюю строгость, скорее забавная, особенно с этими светлыми косичками, торчащими в стороны.

Отец осторожно приблизился, поставил на стол поднос с чаем и печеньем.

– Привет, белобрыся.

Дочь бросила на него мимолетный грустный взгляд.

– Привет пап.

– Я был в школе сегодня.

– Знаю.

– Откуда? Ах да, это ведь ты...

Дочь отложила в сторону книгу. Отец мельком заметил название: «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Боже мой, мелькнуло в его голове, не рановато ли читать такое в двенадцать-то лет?

– Они и в самом деле настолько сильно не любят тебя? – спросил отец.

– Они любят тех, кто на них похож. Говорит, как они, одевается, слушает ту же музыку. – сказала девочка, нахмурившись.

– Люди по-настоящему ценят лишь свою индивидуальность, Агата.

– Мне все равно, пусть делают, что хотят.

Дочь подтянула колени к подбородку, сильнее укуталась пледом.

Она вылитая мать – и внешне, и главное, характером. Столь же упрямая, неуживчивая. И готовая обидеться на любое неосторожное слово.

Отец погладил ребёнка по голове. Она чуть дёрнулась в сторону, но он просто обнял её и поцеловал в пахнущую лавандой макушку.

– Согласен малыш, – тихо сказал он. – Но больше не ломай никому телефоны, иначе я разорюсь.

Дочь попыталась отстраниться снова и вдруг передумала, прильнув к родителю.

– Я не ломала, – тихо произнесла она и отец почувствовал, что ребёнок готов заплакать. – Я не виновата, что родилась такой и у меня в руках всё перестаёт работать. Я просто хотела посмотреть...

Она правда не виновата, мелькнуло в голове отца, и будь её воля, Агата, наверное, ни за что не захотела бы подобной судьбы.

– Ты права, родная. Пей чай, я пойду к себе, поработаю немного.

Отец поцеловал её снова и, поднявшись, направился к выходу.

– Папа! – окликнула девочка.

Отец обернулся, замерев в дверном проеме.

– Она точно приедет?

Вот о чём Агата волнуется по-настоящему, гораздо больше, чем о происшествии в школе, догадался отец.

– Да. Ты знаешь, по-другому никак.

– Я боюсь её, пап. Давай лучше у Сухановых побуду.

– Брось милая, Сухановы только знакомые. Ну, а она... Она твоя тётка, тем более долго это не продлится, тут не о чем волноваться. – отец нахмурил брови, словно вспоминая о чём-то. – Зато твои неосторожные слова про полёты меня тревожат.

Агата, покривившись от его назидательного тона, не ответила, взяла книгу и уставилась в старые, пожелтевшие страницы. С щеки её упала одинокая слезинка и отец не услышал даже, а почувствовал, как ударились она о бумагу.

– Агата, что бы ты не делала, помни, люди не летают.

Он уже затворял дверь, когда услышал её:

– Люди не хотят пробовать, папа.

Отец вдруг понял, ему нечем возразить. Железная взрослая логика вдребезги разбилась о непосредственность детского ответа. И главное: возможно, она не так уж и не права, особенно, помня про её мать. Возможно...

Он посмотрел на свое отражение в зеркале. Худое, осунувшееся за последнее время лицо, чёрные круги под глазами, губы натянутой нитью. Только бы продержаться. Внутри кольнуло раскалённой иглой и отец, поморщившись, торопливо прикрыл за собой дверь. Выйдя в коридор, он скривился от очередного спазма боли, потёр грудь и, дождавшись, когда пройдут цветные круги перед глазами, направился к себе.

Отец давно ушёл, а Агата всё сидела, свернувшись калачиком в своём старом кресле, укутанная тёплым мохнатым пледом.

Настал момент, ведомый только ей, и она посмотрела на чашку чая.

Вода в ней, успевшая порядком остыть, заволновалась мелкой рябью, слабой вначале, но потом сильнее, сильнее. Наконец, вода забурлила, достигнув точки кипения. Агата вздохнула, точь в точь по-отцовски, и открыла роман Сэлинджера.

Время читать.

2. Мать. Тринадцать лет назад

Лето девяносто девятого выдалось жарким. Именно с него, того горячего, светлого, безумно счастливого и далёкого теперь лета, всё и началось.

Она стояла на берегу реки, закрыв глаза, раскинув в стороны руки, обратив лицо к солнцу и тёплому ветру. Её наряд – лёгкий воздушный сарафанчик, сандалии, да старомодная косынка, каких не носят уже четверть века. Но, несмотря на это, казалось, нет никого прекраснее в целом мире и без неё река остановит свои воды, а солнце перестанет освещать землю.

– Девушка!

Не ответила. Лишь еле заметно дрогнули огромные пушистые ресницы.

– Сильно извиняюсь, я тут человек новый, города не знаю, может покажете мне его?

Она приоткрыла веки, наискось, с прищуром, глянула на подошедшего. Парень лет двадцати пяти или чуть постарше. Крепкий, с добрым, курносом лицом и короткой стрижкой спортсмена. Улыбается во все зубы, уверенно, открыто. Смелый, явно не отсюда, к ней тут не всякий подойдёт.

– А чего показывать? Тут речка, там улицы, на холме церковь, за ней площадь и памятник Ильичу. Вот вам и город.

Тон у неё был нарочито серьёзный и непрístupный, мол, отстань, топай себе туда за холм, подальше от греха. Но на парня он никак не подействовал.

– Обожаю памятники Ильичу. Сил нет, люблю на них смотреть. Покажите.

Она повернулась к наглецу, неожиданно прыснула со смеху, прикрыв чувственный рот ладошкой и опять смерила собеседника внимательным слегка шальным взглядом. Парень же увидел, что глаза у девчонки разного цвета: правый чёрный, а левый иссиня голубой. Прозительные глаза, до озноба.

– А пойдёте, – неожиданно легко согласилась она. – Но с вас мороженка за экскурсию.

– Девушка, вы не поверите: легко, хоть два мороженых.

– Два не надо, одно шоколадное с орешками в самый раз. – И вновь смешинка, прикрытая ладошкой. – Пошли, коль смелый такой!

Казалось, в городе больше деревьев, чем людей. Путь парня и девушки пролегал по улицам, скорее похожим на парковые аллеи, воздух в которых напитался ароматом цветов и тополиным пухом. Шли они молча, девчонка продолжала улыбаться чему-то своему, да задорно поглядывала на спутника. Ему же и говорить ничего не хотелось, на душе было удивительно легко и свободно.

– Внимание, достопримечательность – памятник, – она махнула рукой в сторону каменного исполина.

Площадь тоже пуста ранним субботним утром. Лишь пара машин недалеко от Вечного огня, да летнее кафе на несколько столиков.

– Уговор есть уговор, с меня мороженое, – сказал молодой человек и кивнул на кафе.

– Как зовут вас, прекрасный принц?

– Спозаранку Олегом был. Дальше... – он махнул шутливо рукою, не знаю, мол.

– Ого, ветреный вы Олег! Неужто каждый день новое имя? А я двадцать лет как Агата.

И рассмеялась на всю площадь до того заразительно, что и он не удержался, заулыбавшись с ней вместе.

– Там пиво и шашлыки, мороженкой не торгуют. – сказала Агата. – Но я знаю, где есть. Пойдём.

Продолжая смеяться, она закружилась вокруг себя в танце. Ткань сарафанчика вскинул ветер, обнажая длинные загорелые ноги.

Город, час назад для Олега чужой и незнакомый, стал вдруг родным и близким, словно прожил он в нём тысячу лет.

3. Дочь. Сейчас

Самая обычная средняя школа в самом обычном городе. Серое здание – кирпичная коробка буквой Н за металлической сеткой, старые покрышки, вкопанные по линии стадиона, погнутые турники и асфальт перед крыльцом, исписанный бесконечными «Спасибо». Типичная картина.

Идут дети, стайками, кто постарше, кто помладше, торопятся на занятия, ведь скоро прозвенит первый звонок. Им бы об учёбе думать, да есть вещи поважнее.

Кто такая Агата? А-а-а, та с косичками из шестого В? Да да... Она странная. Нет, обыкновенная девчонка, просто замкнутая. Обыкновенная? Она тут на географии заявила, летать, мол умею! Да её просто дразнили все... Психичка! Точно! С прибабахом! Слышали, она парню, с которым учится вместе, телефон сломала? Ему родители подарок сделали на день рождения, а она сломала. Ну?! Взяла в руки, а телефон и погас, навсегда. Точно ненормальная! Конечно. И ещё ведьма, парень крикнул на неё, что мол, конопатая творишь, а она глянет на него, он и остолбенел! Ой, ладно вам, он вообще трусоват, каждый знает. Девчонку испугался! А Агата всё равно того, не в себе! Видели у ней глаза? Правый чёрный, левый голубой!

Кто же ты, Агата...

Между тем, вот она, пришла в школу. Маленькая, аккуратная до невозможности. Повесила красную курточку в гардеробе, причесалась и пошла на урок. Глаза в пол, лицо сосредоточено, серьёзно.

Пусть другие шепчутся за спиной, отворачиваются, пусть никто не общается. Зато с ней здороваются небо и подмигивает солнышко. Облака желают ей хорошего дня, а ветер поёт песни в ветвях деревьев. По пути в школу она успевает поговорить с кошками и собаками, узнать, как дела у живущей на сосне подле дома белочки, которую часто угощает орешками. И шепнуть спасибо старой сосне, за то, что приютила у себя ту белку.

И вот ведь странность! Несколько дней назад, когда Агата возвращалась с уроков, упала перед ней чайка со сломанным крылом. Агата подняла птицу, прошептала ласковое, словно шелест утреннего сна, слово и та, посидев на её руках, целёхонька взмыла к облакам. Но никто из тех, на чьих глазах упала, а затем вернулась в небеса чайка, никто из учеников и учителей не заметил происходящего. Будто каждый день при них заговаривают раны! Стоило же взять чужую электронную погремушку, что умудрилась сломаться, и нет пересудам конца!

Кто ты, милая?

Вон, кстати, владелец дурацкой коробки с микросхемами. Маячит при входе на этаж, делает вид, что беседует с друзьями.

Едва прошла Агата мимо, за спиной раздалось «Чокнутая!» и кто-то больно дернул за косу, вырвав бант. Смех, топот ног. Она обернулась, но слёзы помешали увидеть обидчика. Агата зажмурилась, присела на корточки. Больно, когда пытаются выдрать волосы...

Прозвенел звонок, но она оставалась на месте, не в силах справиться с собой. Минуту спустя вздохнула, поднялась и пошла в туалет, умыла лицо, повязала бант наново.

Стоило Агате зайти в кабинет, учительница смерила её насмешливым взглядом.

– Удивительно! Летающая барышня опоздала на урок. В облаках пробки?

Класс дружно рассмеялся. Дети жестоки, а куда больше взрослые в присутствии готовых на жестокость детей.

Ничего Агата, бывает. Обидно конечно, однако сущий пустяк в сравнении с чайкой, взмывшей из рук твоих в прекрасное, вечно свободное небо!

4. Мать. Тринадцать лет назад

Помнишь детство своё? Помнишь мир, ушедший безвозвратно с годами?

Маленький домик в окружении цветущих яблонь. Старый, бревенчатый, выросший в землю по самые окна, удивительно светлый и уютный. Резное крыльцо спряталось под нависающими ветвями сирени. Где-то в саду щебечет тихонько песню свою невидимая пташка. Аромат цветов кружит голову. Здесь кажется – мира вне сада нет и сам сад есть весь мир...

– Я рада тебе.

Голос Агаты слышится сердцем. Вот и она, выплыла из океана зелени вокруг. Улыбка на лице, в глазах тепло и радость. От того, что появился он.

«Привет». Олег протянул Агате коробку конфет и неожиданно для себя покраснел. Она же, видя его смущение, рассмеялась – заразительно, легко – и взмахнула тонкой рукой: «прходи».

Потом были чай с ароматом ромашек за плетеным столиком в глубине сада, восхитительные булочки, те самые конфеты и приятный разговор о мелочах. И молчание – красноречивей многих и многих слов.

– У нас у всех такие.

Он не понял сразу, отставил в сторону чашку, сделал изумленный вид.

– Ты ведь про глаза спросить хочешь. В семье это наследственное, по женской линии. И нам с сестрой досталось.

Лучик солнца коснулся фарфоровых чашек, поиграл, бликуя, с напитком и исчез. Олег подумал, неужто мысли читает хозяйка? Вслух же спросил:

– У тебя есть сестра?

– Есть. Мы близняшки. – сказала Агата. – И живём здесь вдвоём.

– А мать?

– Мама... Она умерла в прошлом году.

– Извини, не знал.

– Зачем извиняться? Откуда тебе знать.

Он пожал плечами. Все верно, но ведь принято. И ещё говорят, он слышал, ну... если у человека такие глаза, то он, она...

– Мама была ведьма.

– Ведьма?!

– Ну да, а что? В нашем роду передается, от мам к дочкам, вместе с глазами.

– А если сын?

– Мальчики у нас не рождаются...

Олег качнул головой недоверчиво. Странная до чего девчонка!

– Значит, ты тоже ведьма? И палочка есть волшебная? Наколдуй тогда что-нибудь или не знаю, полетай хотя бы.

Он сообразил, что глупость сморозил и закашлялся смущённо. Агата встала со старого скрипучего кресла-качалки, обошла Олега, слегка приобняла за плечи.

– Ох и глупые вы, мужчинки. Волшебными палочками только в сказках машут. Да и нужно ли тебе такое, а?

Наклонившись, она вкрадчиво шепнула ему в ухо:

– Я, Олежка, не фокусница развлекать тебя. А полетаем мы вместе, потом.

Потрепав его шевелюру ладошкой, она упорхнула обратно, в своё кресло-качалку. И столько сладости было в её «полетаем вместе», что его, молодого, с горячей, кипящей от переполняющих сил кровью, взбудоражило до невозможности, как никогда ранее в жизни.

Они ещё долго пили чай, болтали о всякой ерунде, вспоминать которую и смысла-то нет. Важней иное: чай не остывал, булочки не кончались и день прошёл спокойно и незаметно, как сладкий сон, сменившись густой вечерней темнотой. В траве запели букашки, а над крыльцом зажглась сама собою большая лампа под жестяным абажуром. Хотелось одного – чтобы вечно длился тот вечер.

Когда же наконец Олег попрощался и пошёл по тропинке, то, пройдя несколько шагов не выдержал, обернулся не в силах совладать с желанием вновь увидеть ведьму с разноцветными глазами. Агата стояла на границе ночного мрака и света лампы; виднелся лишь тонкий её силуэт.

– Милый, – тихо позвала она из непроницаемой тени. – Приходи снова.

Он кивнул нерешительно, потом опять, уже уверенно, за себя зная, придёт, и понял: происходящее сейчас и есть настоящее, истинное колдовство. Голосом да взглядом, которые чувствуешь кожей, привязала она его к себе крепче любого зелья.

Он вышел на улицу, аккуратно прикрыл ветхую калитку, подумав, что неплохо бы смазать на ней петли.

– Может и починишь потом, когда вернешься...

Олега чуть не подкинуло от неожиданности, а девочку, угадавшую эти мысли, такая реакция явно позабавила. Откуда она появилась, Олег так и не понял. Зато рассмотрел, несмотря на темноту, насколько похожа она на Агату. До крайности похожа, только волосы чёрные, очень длинные, волнами стекающие на хрупкие плечи и спину.

Он не сразу догадался, что перед ним сестра, о которой говорила Агата. Ну, а та, проходя мимо, тряхнула головой и несколько прядей волос её, пахнувших пряным, манящим, задели ему лицо. И сразу женский смех – звон хрустального колокольчика...

Одно наваждение сменилось другим.

Тихонько скрипнули несмазанные петли.

5. Отец. Сейчас

Где-то высоко, над серебристыми облаками и ещё дальше, выше чем способен представить себе человеческий разум, обитает Судьба. Она плетет свои нити, нанизывая на них бусины людской участи, каждому свою. Судьба смотрит мудрым и безжалостным оком, не запутались ли люди в бесконечности окружающих их нитей. Она следит за тем, не перескочили ли смертные на другие, чужие и чуждые им нити-пути, и насколько достойны тех, по которым ступают сейчас. Любопытно Судьбе, как человек пойдёт по уготованной дороге, как примет её волю.

Будущее не есть цель, важен сам путь и оттого Судьба, вплетая нас в свою бесконечную вязь, видит именно его, смотрит лишь, на своём ли мы и каковы мы на нём. Ну а мы, недалёкие, идём, ползём уперевшись глазами в прах, из которого вышли и ищем в нём истину, забывая о том, что правда в небесах и нет с нас иного спроса чем тот, как мы шли, достойно ли жили, поняли или нет, ради чего нам дано найти и пройти свою дорогу.

Отцу, в чьей жизни не осталось никого, кроме дочери и ничего, кроме немногих тех дней, в какие будет позволено биться его уставшему сердцу, пришла пора поднять голову к небу.

В молодые годы он изредка, забавы ради, размышлял, а каково это – дожить до минуты, когда придёт осознание, что часы твои сосчитаны и подходят к концу. Забава от мыслей тех скоро превращалась в печаль и он гнал её прочь, продолжая просто жить. Теперь эта минута настала и понял отец, печаль была не напрасна, нить судьбы его скоро прервётся, улетит в неизвестность заветная бусина. Страх грядущей неизбежности сковал его, свернул душу в дугу и пересилил другой страх, гораздо более старый, а потому основательно уже подзабытый.

Из тоскливых раздумий вывел звонок. Приехала. Он открыл дверь, впуская в квартиру гостью.

– Привет. Извини, если отвлек тебя и спасибо, что ты здесь. Добралась хорошо?

Он помог занести дорожную сумку, повесил на плечики невесомую норковую шубу.

– Привет. Ничего, все нормально, мне не сложно.

– Пойдём на кухню, я приготовил чай.

Отец разлил горячий напиток по белым фарфоровым чашкам и вновь квартиру наполнил аромат позабытого лета.

– М-м-м, словно в добрые наши денёчки, – посмаковала гостья, – сестра научила?

Отец смотрел, как она пьёт мелкими глотками и вспоминал ту, чья нить жизни давно прервалась и о которой до сих пор все его мысли.

– Здесь есть церковь поблизости?

– Зачем тебе? – дивился он.

– Ну! Удивляешь, Олежка, – гостья отставила чашку, глянула на отца с немного наигранной претензией. – Свечку за тебя поставлю. Такие, как я, тоже Богу молятся, поверь. А то что же выходит, зря ехала в твою-то даль...

– Я думал, ты не согласишься. После всего случившегося... Ты могла отказаться, имела полное право.

– Брось. Былое давно быльем поросло.

– Не для меня. Просто, кроме тебя, у нас с Агатой никого нет, а со мной всякое может случиться.

– Она моя родная кровь. Кроме неё у меня тоже нет никого. Уже нет. Я не могла не приехать.

Столько боли спрессовалось в её коротком «уже», прозвучавшем откровенней исповеди! Отец подивился, решил было спросить, но осекся, не стал. Да и о чём именно спрашивать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.